

ББК 71.05

*М.В. Бекарюков***Социокультурный феномен эзотерики****M.V. Bekaryukov***The Socio-Cultural Phenomenon of Esoterism**

С позиции феноменологической социологии религии рассматривается специфика эзотерики как особого вида знания, служащего теоретической основой для конструирования особых разнонаправленных социальных практик – мистики и оккультизма.

Ключевые слова: эзотерика, мистика, оккультизм, социальное конструирование реальности.

Эзотерику с давних пор считают формой особого, тайного знания, существующего в мире наряду с научным, обыденным и религиозным (эзотерическим) видами знания. Выделение эзотерики в особую область знаний делает возможным ее изучение с позиции такой дисциплины, как феноменологическая социология религии, являющейся важным подразделом феноменологической социологии знания, поскольку именно социология знания рассматривает проблемы возникновения, функционирования и распространения знания в обществе, социальную детерминацию знания, формы его передачи и хранения, а также социальную обусловленность типов мышления в различные эпохи [1, с. 9]. Однако наиболее значимым фактором в выборе данной методологии для изучения эзотерики как социокультурного феномена является то, что феноменологическая социология знания изучает роль знания в процессе социального конструирования реальности [2, с. 12–13].

В рамках данной статьи мы рассмотрим специфику эзотерики как особого вида знания, обращая внимание прежде всего не на когнитивные и гносеологические, а на функционально-ролевые особенности явления. Для этого мы разграничим понятие «эзотерика» от смежных понятий «мистика» и «оккультизм», а также попытаемся показать точки пересечения и взаимосвязь между ними.

Во-первых, мы рассмотрим соотношение *эзотерики* и *оккультизма*. Слово «эзотерика» происходит от греческого *εσβτερος* – внутренний, внутри, а слово «оккультизм» латинского происхождения от *occultus* – тайный, потаенный. Долгое время эти термины использовались как взаимозаменяемые, поскольку их первоначальный смысл практически идентичен. Однако в последнее время многие исследователи, например Е.Г. Балагушкин [3] и В.Н. Назаров [4], стали их разделять, понимая под эзотерикой теоретические

According to the phenomenological sociology of religion the author describes the specificity of Esoterism as a particular knowledge which forms a theoretical basis for constructing different social practices – mysticism and occultism.

Key words: esoterism, mysticism, occultism, social construction of reality.

построения, а под оккультизмом – астрологические, магические, алхимические и другие практики.

Современное определение оккультизма было предложено Э. Тирьякяном в 1972 г. и с тех пор стало широко употребляться в работах исследователей, не вызывая особых возражений. Э. Тирьякян определил оккультизм как «целенаправленные действия, методы и процедуры, которые: а) привлекают тайные или скрытые силы природы или космоса, не поддающиеся измерению и пониманию средствами современной науки, и б) имеют целью получение результатов, таких, как эмпирическое познание хода событий, или изменение их по отношению к тому, какими они были бы без этого вмешательства» [5, р. 498].

Определение эзотерики, данное Э. Тирьякяном, не столь однозначно, однако оно иллюстрирует ключевое различие между данными феноменами. Исследователь предложил считать эзотерическими «религиозно-философские системы представлений, которые лежат в основе оккультных методов и ритуалов; то есть речь идет об отображениях в сознании природы и космоса, эпистемологическом и онтологическом отражениях истинной реальности; эти отображения образуют определенный объем знаний, дающий основание для оккультных процедур» [5, р. 499]. Подобное определение не раскрывает сущности эзотерических учений, но указывает на то, что эзотерика является теоретической основой оккультных практик и является определенным отражением реальности в сознании оккультиста.

Однако не все авторы согласны с подобным определением. Так, например В.Н. Назаров считает, что оккультным доктринам и оккультным искусствам в большей степени свойственна авторская точка зрения и авторское толкование тайных знаний, нежели традиционным формам эзотерики, являющимся непосредственным выражением традиции. По мнению исследователя, можно говорить о том, что в оккультизме

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ №10-03-00-884м/мл.

не автор работает на традицию, а традиция работает на автора [4, с. 231].

Следует отметить, что принятие подобной точки зрения требует признания некоей изначальной эзотерической традиции, которая является аутентичной (на что указывает и сам В.Н. Назаров [4, с. 62–64]), существование которой, однако, не подтверждено современными научными данными.

Подобная точка зрения возникает потому, что в своей работе В.Н. Назаров опирается на эзотерическую традицию философа-традиционалиста Рене Генона, что позволяет ему также использовать такие понятия, как «контрэзотерика» и «псевдозэотерика» [4, с. 62], не известные иным эзотерическим традициям и не используемые другими исследователями.

Возвращаясь к вопросу соотношения оккультизма и эзотерики, нам необходимо отметить, что теоретические построения обязательно обуславливают образ жизни адептов определенным набором практик и правил, которые упорядочивают, ритуализируют жизнь. Как отмечает в своем исследовании О.А. Иванова, эзотерические знания и учения не существуют без особой эзотерической практики и эзотерической жизни [6, с. 16]. Точно так же любые оккультные и магические практики опираются на особые, хотя бы минимальные, теоретические построения, определяющие цель и средства ее достижения.

Тем не менее разделение эзотерики и оккультизма не является только теоретическим. Эзотерические доктрины могут быть выражены и посредством другого вида практики (речь о котором пойдет ниже), а оккультные практики могут существовать автономно от эзотерических теорий. Как отмечает С.В. Пахомов, «и оккультизм, и эзотеризм имеют отношение *как к теории, так и к практике* (курсив наш. – М.Б.), однако в то время как в оккультизме практический компонент доминирует над теоретическим, в эзотеризме заметен отчетливый перевес теоретической стороны» [7, с. 11].

Так, например, любой гримуар [8; 9], по сути, представляет собой учебник магии – своеобразную инструкцию по вызову духов, составлению амулетов, талисманов, магических орудий и т.п. Однако подробное изучение текста может показать нам, что за этой «инструкцией» стоит сложный комплекс теоретических представлений эзотерического характера, не нашедший буквального отражения на страницах гримуара (духи имеют определенную иерархию, предметы, используемые магом, – благовония, травы, камни, магические инструменты – имеют планетарные, зодиакальные или другие соответствия и подчинены определенной системе классификации), фактически это обусловлено жанровой спецификой текста, который изначально создавался как инструкция.

На основе вышеизложенного мы можем сделать вывод о том, что магические гримуары (как, видимо,

и вся оккультная литература вообще) изначально создавались в недрах эзотерической культуры, а их авторы были носителями определенных знаний, которые не нашли своего непосредственного отражения в самих текстах, что обусловлено их жанровой спецификой. Впоследствии эти тексты получили самостоятельную жизнь и стали основой для практик различных оккультистов и оккультных групп, которые могли не иметь совершенно никаких представлений о теориях, в рамках которых они были созданы.

Как мы можем видеть, взаимосвязь эзотерики и оккультизма очень сложна и динамична, поэтому мы воспользуемся схематическим упрощением и будем говорить об оккультизме как одном из практических выражений эзотерических учений, понимая при этом, что он может существовать и как отдельный социокультурный феномен.

Далее мы рассмотрим соотношение эзотерики и мистики, взаимоотношения между которыми также не являются однозначными. Иногда эти термины путают и используют как взаимозаменяемые, а иногда объявляют совершенно противоположными.

Слово «мистика» греческого происхождения и первоначально имело значение «тайный», «сокровенный», соответствуя, таким образом, латинскому – «оккультный».

Как отмечает Е.А. Торчинов, в религиозной литературе слово «мистика» обычно употребляется для обозначения: 1) трансперсональных переживаний, предполагающих переживание непосредственного общения, единения или слияния с божеством, безличным Абсолютом или иным типом первоосновы бытия; 2) разнообразных форм эзотерических ритуалов, мистерий и посвящений. Вариантом этого типа мистического являются и христианские «мистерии» – таинства; 3) различных форм оккультизма, причем иногда ярко выраженного паранаучного характера – магия, астрология, всевозможные виды мантики и т.д. [10, с. 31–32]. В связи с этим он считает термин «мистика» и производные от него прилагательные неудачными и неоднозначными.

Е.Н. Торчинов предлагает заменить «неудачный» термин «мистика» понятием «трансперсональные переживания» и рассматривать в качестве таковых «только те феномены, которые предполагают глубинные психологические переживания, связанные с достижением измененных (трансперсональных) состояний сознания, а также методы, приводящие к этим состояниям» [10, с. 33].

Однако другой отечественный исследователь Е.Г. Балагушкин отмечает, что «переживание экстаза и другие измененные состояния сознания или иные паранормальные явления сами по себе не имеют мистического смысла и значения» – они обретают такой смысл только «при функционировании их в качестве субстрата непосредственной связи с сакральным на-

чалом» [11, с. 18]. Он говорит о мистике как об особом типе веры, существующем наряду с магическим и религиозным. Эта вера выступает как способ духовно-практического освоения наличной действительности с помощью сознания и деятельности, обладающей особой «категоричной» модальностью [11, с. 16]. По мнению Е.Г. Балагушкина, критерием для отличия различных типов веры является *способ* сакральной деятельности, поэтому отличие мистики от других типов веры заключается в том, что в ней осуществляется непосредственная связь с сакральным началом.

Здесь важно отметить, что получение откровения свыше или особого сакрального знания отличается от мистики как таковой [11, с. 19]. *Мистика* может являться средством познания, однако сама *знанием* не является.

По мнению другого отечественного исследователя С.В. Пахомова, «мистицизм* представляет собой весьма аморфное образование, не связанное единой организационной средой. Мистицизм преимущественно имеет отношение к внутреннему складу личности, переживающей необычные состояния, особенно состояния близости к чему-то неизмеримо большему и возвышенному, ужасающему и вызывающему трепет – близости вплоть до полного слияния с этим «объектом», до совершенной утраты индивидуальных особенностей» [7, с. 10]. Исследователь считает, что мистицизм делает акцент на практицизме и на опыте деятельности. В этой связи не совсем корректно будут звучать выражения «мистическое учение», «мистическая книга» и другие, поскольку сам мистический опыт не поддается нормальной вербализации. Таким образом, мистическими являются не учения, а практика, опыт, переживания. Автор говорит о том, что, когда опыт вербализуется, происходит процесс его рационализации. Следовательно, это уже не совсем мистический опыт, а рационализированный (а следовательно, ограниченный) мистицизм [12].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что мистика представляет собой *определенный вид практики*, связанный с внутренними переживаниями необычных состояний сознания, направленных на «связь с сакральным». Следовательно, соотношение мистики и эзотерики также можно представить в виде отношения практики и теории.

Здесь, однако, мы сталкиваемся с еще одной нерешенной проблемой. В своем исследовании мистики Е.Г. Балагушкин вводит понятие «мистицизм», отличное от понятия «мистика» и состоящее с ним в отношении «теория – практика». «Мистицизм – это представления, подчас системно выстраиваемые в форме рационалистических учений теологического и мировоззренческого характера о непосредственной

связи вещей и явлений с сакральными началами. Мистика – опирающаяся на эти представления духовно-практическая деятельность адепта веры, назначением которой является осуществление непосредственной связи с сакральным началом» [11, с. 36].

Мистика не является практикой, используемой только лишь эзотериками. Как отмечает С.В. Пахомов, мистики могут не претендовать на тайное знание и в этом смысле не быть эзотериками [7, с. 10]. Не все религиозно-философские мистические учения причисляются к эзотерическим, например, учения Мейстера Экхарта, Игнатия Лойолы, Григория Паламы и других христианских мистиков таковыми не считаются. Следовательно, мистика является определенной практикой, существующей в рамках религиозной или эзотерической традиции, но не считается присущей только лишь данной традиции. Каково в таком случае будет соотношение эзотерики, мистики и мистицизма?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к тому, как Е.Г. Балагушкин рассматривает мистическое действие целиком. В мистическом действии он выделяет три аспекта: 1) смысл, задаваемый особой парадигмой (мистицизмом); 2) морфологию, т.е. собственно мистику; 3) вероучительный дискурс – осмысление и описание данного действия в рамках определенного религиозного учения [11, с. 37].

Другими словами, для получения мистического опыта необходима особая парадигма (своеобразная «карта» или система координат), воспользовавшись которой, адепт переходит в измененное состояние сознания. Эта парадигма, в рамках которой осуществляется конструирование мистического опыта, может восприниматься как объективная и единственно истинная реальность – так, например, ее воспринимали христианские мистики (Григорий Палама, Дионисий Ареопагит и др.), либо как субъективная реальность, существующая только для автора или группы адептов. Вопрос объективного существования данной парадигмы может не носить принципиального значения, поскольку главной ее задачей является обеспечение возможности получения мистического опыта. Наиболее ярко такой подход иллюстрирует высказывание А. Кроули: «... все теории устройства вселенной нелепы, так что лучше уж говорить на языке той из них, что нелепа со всей очевидностью и способна привести в ужас любого метафизика» [13, с. 90].

Для интерпретации и объяснения полученного опыта используется вероучительный дискурс, который может быть как религиозным, так и эзотерическим. Вероучительный дискурс и парадигма мистицизма могут быть продуктами одной системы и культуры, однако так бывает не всегда. Подчас такие заимствования делаются из источников, совершенно чуждых данной религии.

* С.В. Пахомов, в отличие от Е.Г. Балагушкина, использует понятие «мистицизм» как тождественное понятию «мистика».

Важно отметить, что система координат мистицизма *может быть заимствована из другой культуры*, например буддийской и даосской (как в случае с Синто, рассматриваемом Е.Г. Балагушкиным [11, с. 36–37]), или неоплатонической и Ветхозаветной (в случае Оригена и Филона Александрийского). При подобном заимствовании можно говорить о том, что для достижения мистического опыта будет использоваться один контекст (заимствованная «система координат»), а для его интерпретации – совершенно другой (наличествующий вероучительный дискурс). При этом исследователи часто отмечают схожесть парадигм мистицизма и мистических практик в разных религиозных и философских системах. Так, например, Гершом Шолем проводил параллели между символическими представлениями Авраама Абулафии и теософией северной ветви буддизма (представления об освобождении души как о «развязывании узлов») [14, с. 178].

Следует сказать, что, по мнению С.В. Пахомова, «объективация» опыта является одним из главных отличительных критериев, отделяющих мистику от эзотерики. Исследователь говорит о том, что мистический почти не поддается вербализации и систематизации. Для его выражения мистики часто прибегают к иносказаниям, использованию метафор и неологизмов. Мистический опыт уникален и неповторим [12]. Личностное начало в мистицизме резко доминирует над объективацией опыта, в то время как в эзотеризме субъективизм не выпячен, а находится в рамках представлений данной эзотерической школы [7, с. 10]. Таким образом, можно сказать, что институционализированные мистические группы являются эзотерическими обществами.

В таком случае, возможно, следует рассматривать систему координат мистицизма как составляющую эзотерического знания. Е.Г. Титомир предлагает считать эзотику общим понятием, объединяющим ряд феноменов, базовой характеристикой которого является наличие эзотерической установки сознания. Эзотерическая установка сознания определяется исследователем как «специфическая установка сознания (наравне с естественной и феноменологической), конституирующая возможность интендирования предметов иного онтологического порядка (сфера Сакрального)» [15, с. 123]. Основным моментом в определении сущности эзотерики, по мнению автора, будет наличие интенсивной практики переживания (в феноменологическом смысле) Сакрального (т.е. того, что мы выше определили как «мистика»). Следствием подобной практики будет являться определенная информация, сформулированная в виде конкретных ценностных суждений или оформленного учения («*мистицизм*» и «*вероучительный дискурс*» в определении Е.Г. Балагушкина). Наличие подобной информации, как показывает исследователь,

позволяет существовать некоей традиции, или школе, дающей возможность следующим поколениям пережить нечто подобное, восстановив, таким образом, целостность эзотерики через возврат от отвлеченных суждений (*мистицизма*) к активной практике переживания Сакрального (*мистике*). Е.Г. Титомир говорит о том, что каждый эзотерик может определить только свой собственный опыт переживания Сакрального для его трансляции следующим поколениям. Распредмечивание этого знания будет первоочередной задачей следующего поколения тех, кто попытается этот опыт восстановить. «Целью этого процесса является необходимость постепенного выхода за пределы конкретных концепций или ценностных ориентиров, сформулированных в пределах тех или иных традиций, и, используя их в качестве “ступенек”, подняться на уровень интенсивной практики, т.е. непосредственно реализовывать эзотерическую установку сознания, совершая акты интендирования предметов сферы Сакрального» [15, с. 124–125]. Из сказанного можно сделать вывод о том, что в основе эзотерического знания лежит иррациональный мистический опыт (на это указывают и другие авторы, например Л.В. Фесенкова [16, с. 5]), а само это знание, что еще более важно, служит для того, чтобы данный опыт мог быть повторен другими адептами, не участвовавшими в мистическом действии. Следовательно, можно говорить о том, что эзотерическое знание служит системой координат, мистического опыта. Другими словами, мистицизм является важной составляющей эзотерического знания, однако понятие «эзотерика» гораздо шире понятия «мистицизм», поскольку включает в себя и другие феномены, относящиеся к области оккультизма.

Следует сказать, что Е.Г. Балагушкин отмечает еще одну важную особенность мистицизма. Автор говорит о том, что мистическим видениям зачастую приписывается ряд значений, дополняющих их собственные. Это происходит в том случае, когда они функционируют в рамках иных смысловых систем, например, таких как *магическая* и *религиозная* [11, с. 47].

Таким образом, теоретическая база («мистицизм») христианских мистиков (Григория Паламы, Игнатия Лойолы, Мейстера Экхарта и др.) является эзотерической составляющей христианской мистики. Она не считается таковой, поскольку функционирует не как самостоятельная, а как подчиненная парадигма, необходимая для получения мистического опыта. Сам мистический опыт, полученный с ее помощью, осмысливается в контексте христианского вероучительного дискурса, в рамках которого понятие «эзотеризм» носит аксиологически негативную окраску.

На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что отношение «эзотерика – мистика», так же как и отношение «эзотерика – оккультизм», может быть представлено как отношение теории и практики.

Мистику от оккультизма отличает направленность на непосредственное взаимодействие с «сакральным». Если мистицизм придает целевую значимость трансформации и совершенствованию личности и знаменует собой приобщение к сакральному началу, осмысливаемому как индуистское освобождение, буддийское просветление и христианское спасение (что является конечной целью религии), то оккультизм может быть направлен на получение практической выгоды (денег, любви и т.д.) или на предсказание будущего.

Следует отметить, что не все исследователи согласны с утверждением, что эзотерические учения обязательно имеют свое практическое отражение в мистике и оккультизме. В частности, такое мнение высказывал Е.Г. Балагушкин [3, с. 216]. Однако приводимые им примеры свидетельствуют об обратном. Так, например, в Институте гармоничного развития человека, основанном Г.И. Гурджиевым, на который ссылается автор [3, с. 218], широко применялись различные техники, которые с полным правом можно назвать оккультными практиками, или психотехниками (достаточно вспомнить знаменитое упражнение «Стоп!», применяемое Гурджиевым и его учениками). Подавляющее большинство практик, используемых

современными «цивилизованными» адептами эзотерических учений, представляют собой модифицированные психотехники и оккультные практики, разработанные адептами древности и времен расцвета классических эзотерических учений (XVIII – начала XX в.). Таким образом, подобные возражения не имеют под собой реальных исторических подтверждений, а основываются скорее на различии смыслов, вкладываемых исследователями в понятия «психотехника», «мистика» и «оккультная практика».

Подводя итоги вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что эзотерика представляет собой особый вид знания, имеющий иррациональный источник, на основе которого осуществляется конструирование символического универсума, необходимого для реконструкции и воспроизведения мистического или оккультного опыта. Она является теоретической базой, на основе которой могут конструироваться как мистические, так и оккультные практики.

Мистика и оккультизм, в свою очередь, представляют собой особые разнонаправленные виды практики, за счет которых может расширяться и пополняться запас эзотерического знания, однако сами они при этом видами знания не являются.

Библиографический список

1. Руткевич Е.Д. Феноменологическая социология знания. – М., 1993.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995.
3. Балагушкин Е.Г. Эзотерика в новых религиозных движениях // Дискурсы эзотерики. – М., 2001.
4. Назаров В.Н. Введение в эзотерику : учебник. – М., 2008.
5. Tiryakian E. Toward the Sociology of Esoteric Culture // *American Journal of Sociology*. – 1972. – №78.
6. Иванова О.А. Специфика современного эзотеризма в России: культурфилософский анализ : дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2007.
7. Пахомов С.В. К вопросу о демаркации понятия «эзотеризм» // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. История. Психология. Философия / под ред. С.В. Пахомова, Ю.Ю. Завгороднего, С.В. Капанова. – СПб., 2008.
8. Большой ключ Соломона. – Тверь, 2006.
9. Библиотека Гримуаров Алистера Кроули. – М., 2003.
10. Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. – СПб., 2005.
11. Балагушкин Е.Г. Аналитическая теория мистики и мистицизма // Мистицизм: теория и история / под ред. Е.Г. Балагушкина, А.Р. Фокина. – М., 2008.
12. Пахомов С.В. Эзотерика, мистика, парапсихология: точки пересечения : Доклад на Тринадцатом семинаре в Центре по изучению эзотеризма и мистицизма [Электронный ресурс]. – URL : <http://rhga.ru/science/esoterism/seminars/>.
13. Регарди И. Церемониальная магия. – М., 2009.
14. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. – М., 2007.
15. Титомир Е.Г. Эзотерика в современном обществе: pro et contra // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. История. Психология. Философия / под ред. С.В. Пахомова. – СПб., 2009.
16. Фесенкова Л.В. Предисловие // Дискурсы эзотерики : сб. ст. / под ред. Л.В. Фесенковой. – М., 2001.